

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ ЗВЕРЕК, ИЛИ ЗАПИСКИ ЗВЕЗДАНУТОГО РАКА

За что бы ни взялись рожденные под знаком Рака, они все будут выполнять с филигранной точностью. Среди представителей знака — Исаак Эммануилович Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов». Широким ковшиком черпая материал из самой жизни, он умел живописать яркими сочными мазками произошедшие события и встретившихся людей.

Из гороскопов

Профессор К. тоже рожден был под этим мистическим знаком гениальных деспотов и зануд. И все делал, как они, с филигранной точностью. Лекции студентам по римскому праву читал подробнейшие и с такой же дотошностью потом принимал экзамены.

Чистюля был невероятный.

Мылся по три раза в день — утром, потом при возвращении из Академии государства и права домой и еще на ночь.

Непрерывно.

Каждый год ездил на курорт Анненские Воды, неподалеку от города Николаевска-на-Амуре, лечить больное колено — повредил в студенческой молодости на лыжной горке.

Воды помогали, но ненадолго. Иногда К. прихрамывал.

У него была жена, добрая женщина. Она прощала профессору все его слабости, из которых главные были две.

Первая — постоянные влюбленности.

Нет, не подумайте худого, никаких пошлых походов, а так, нечто мимо-летное, эфемерное — девушка в автобусе улыбнулась приветливо, студентка на экзамене взглянула лукаво... Переживаний по поводу этих случайных знаков внимания ему хватало на полгода.

Вторая слабость жену раздражала больше, но она все равно терпела, страдала.

Профессор, перешагнув порог сорокалетия, увлекся вдруг стихией великого и могучего русского языка. Уж не знаю, кем он себя вообразил: мичманом в отставке

доктором Далем или польским аристократом Бодуэном де Куртенэ, потомком милостивого и благородного короля-рыцаря Людовика VI, только стал он постоянно носить с собою в портфеле увесистые тетради и записывать в них без купюр все, что говорят люди.

Люди иногда дарили ему колоритные фразы, но чаще всего выражались нецензурно.

А интеллигентнейший К. всю их похабщину скрупулезно заносил в свои кондуиты. Потом просил жену перепечатать. Жена возмущалась, но печатала. Наверное, все-таки понимала, что ее муж родился на свет не специалистом по римскому праву, а филологом. И, как великий предшественник Бодуэн, считал, что изучать и сохранять нужно не книжную русскую речь (она и без него сохранится), а живую, сиюминутную.

Кстати, первую тетрадку он записал на курорте Анненские Воды, а потом и издал за свой счет тиражом тридцать экземпляров, когда совпали две его основные слабости: платоническая влюбленность в случайную соседку по столику в курортной столовой и жадный интерес к разговорному русскому языку.

Изданию книги предшествовал памятный разговор с женой. Он, собственно, и открывает записки:

— *А если я так начну: «Разуться. Вымыть ноги. С мылом». Потом извиниться за нелепость, за мат, за нарушение молчания... Кстати, не знаю, как мне писать мат? Полностью слово или частично?*

— *С матом печатать не буду.*

— *Но это часть живой речи. Неотъемлемая. Если его убрать, речь изменится. Она уже будет другой, не такой, — редактированной.*

— *Ты меня оскорбляешь своим отношением к литературе. Я воспитана на отрицании мата. Это грязь, а ты ее лепишь. Ты можешь вызвать такой огонь на себя, опубликовав эту вещь! Люди могут тебя так обидеть! Ты, вообще, соображаешь, что делаешь? Ты хочешь, чтобы я начала материться?*

— *Нет.*

— *Ты меня уморил. Я вот думаю, как выбить из тебя эту писательскую тонкость. Даже не тонкость, не то слово, сразу...*

— *Я пойду ведро вынесу.*

— *Вот это полезное начинание.*

Далее — слово профессору К.

Маша. Начало.

В столовой. Еще не приглашают. Вроде прохладно. Надел куртку.

— Вам холодно?

Ее слова. Первая встреча.

ЖИВАЯ РЕЧЬ

Стремно?

В номере. Смотрю в окно. На скамейке сидят парень и девушка улычи. Девушка тоже с сигаретой. Громко смеются...

Стучат в дверь. Открываю. Несколько молодых улычей.

— *Икра нужна?*

— *Нет, спасибо.*

— *Че так стремно?*

Что-то

В столовой. «Пошел» материал. Подвернул клеенку. Пишу. Голос. Громко.

— Ну, что ты там опять пишешь? Поберег бы глаза!

Та девушка. Приближается.

— Доброе утро. Вы что-то пишете?

— Доброе утро. Да, пишу что-то.

ЖИВАЯ РЕЧЬ

Военное детство

— *Мать блины жарила. Кусочком сала помажет сковородку. Потом этот кусочек на печку ложит. Свет потух. Я подставил табуретку. Только это сало схватил — свет зажегся. Мать увидела и заплакала... До сих пор помню. Если бы я не был голодный, на х... мне это сало было бы нужно...*

Сопrotивляться

Две маленькие ямки на полянке. Разрыл поросенок?

Женщина загорала, встала, смотрит на ямки:

— *Это кто так пятками упирался? Я бы не стала. Так сопротивляться...*

Управы нет

— *Жилье недорого. Процедуры дорого, питание...*

— *Потому что мошенники. И управы нет.*

Милость Божья?

В столовой. Уже поел. Сижу. Жду ее. Взглянуть мельком. Увидеть...

В комнате. Смотрю в окно. Она сидит на скамейке. Смотрю, смотрю...

— Здравствуйте!

Поздоровалась со мной. Вежливо. С улыбкой. Идет впереди. Свернула налево.

Пошел прямо. Сердце бьется...

Что это? Милость Божья?

ЖИВАЯ РЕЧЬ

— *Бессмертный инспектор — его погнало. Раз пятнадцать в него стреляли и сбрасывали в речку. Через четыре дня едет. Вот он, падла...*

— *У нас телевизор стал, как у Пушкина няня песни пела. Как сиделка. До чего человек переделывается, б...*

— *Люблю я деревенский толчок. Сядешь. Закуришь... Никто не тропит...*

Не молчит

Иду на завтрак. Кисточка черемухи. В мешочке из-под лапши. Захожу в столовую. Первым. Кладу черемуху на ее столик. Справа от тарелки. С манной кашей.

Сердце, нет, не молчит.

ЖИВАЯ РЕЧЬ

— *На х... они нужны? Мочалки. Древняя, как мамонт. А рожка, напиши: как у динозавра.*

— *Некоторым нравится, чтоб их силой брали. Когда она в отрубе. Чтобы и п...лей получить, и оттрахать.*

— *Интеллигентного обращения не понимают...*

Не вошло?

Не пришла на обед. Солнышко лесное. Не пришло. Не вошло?

Задаёт вопросы

Задаёт вопросы. Она. Мне.

— Почему у вас красные шорты?

Думаю: «Вот уж о чем меньше всего думал; какие дали, такие и надел; других нет; чтобы ноги загорали; специально подбирал под цвет вашего платья...»

Отвечаю:

— Потому что мы жители одной планеты.

Удовлетворена? Улыбается. Протягивает руку. Осторожно пожимаю ее.

Второй вопрос:

— А почему у вас руки холодные?

Думаю: «Почему у меня холодные руки? Тот же ответ (еще «тот», такой же нелепый, все — одинаковая глупость, разнообразие в единообразии и наоборот). Посинели от холода ваших глаз?»

Так, где у меня об этом в заключении врача-психиатра?

ЖИВАЯ РЕЧЬ

— Очень часто приходят воспоминания детства. За двадцать копеек можно было купить шоколадку. Я мог спокойно пойти в кинотеатр, не боясь быть ограбленным, меня окружала любовь... Не то, что сейчас. Молодежь только знает коноплю курить, пить, баб трахать...

— Б..., совсем бы ее бросить, на х... пить. Не получается. Как начнем... Не помнишь, как домой придешь. А это целый литр. Мы, русские, пить ни х... не умеем. А раньше, когда она была в запрете, то еще хуже...

Самопсихотерапия?

Вытащил из себя сказку. Откуда она взялась? «Самопсихотерапия?»

(Сказка называлась «Девочка и дракон». Про то, как в одном королевстве жила маленькая хорошенькая девочка, увидев которую, все горожане улыбались, потому что она была добрая и веселая, а еще чудесно пела. А по соседству с королевством в темной пещере жил старый печальный дракон с большими лапами. На него никто не обращал внимания. Только девочка поглядывала иногда с любопытством. И однажды она пригласила его на городской бал. Сказала, что хочет с ним потанцевать. Дракон обрадовался, почистил свои дряхлые крылья и действительно станцевал с девочкой несколько танцев, весьма неуклюже, надо сказать. Наверное, девочке его па не понравились. Потому что на следующий день она не появилась возле его пещеры. И на следующий не пришла, и на следующий...)

Дракон долго ее ждал, а потом просто исчез из королевства. Куда он делся — никто не мог сказать. Может быть, умер, может быть, взмахнул старыми сморщенными крыльями и улетел в дальние страны.

В общем, печальная история.)

ЖИВАЯ РЕЧЬ

За...

Женщина рассказывает анекдот мужчинам: «...и дергает, дергает за х...».

Так

Случайно встретил ее. Остановилась.

— Мне очень понравилась ваша сказка. Я даже думаю написать свою. Думаю, дракону не стоит так...

Звезданутый?

Уточнить название.

Записки Рака.

Звездного? Звездоносного? Звезданутого?

Открытие?

После обеда лег спать. Думаю. О ней. Прямо ломает, крутит. Душа болит? Попался? Вспоминаю способ «икс». Нашел случайно. До глубокой ночипил водку. А утром двадцать минут купался в бассейне с горячей минеральной водой. К обеду прихватило сердце.

Ничего не надо.

Сердечный недуг против любовного? Лучшее средство? Открытие?

ЖИВАЯ РЕЧЬ

— Встретил землячку. Пригласил встать на тропу любви. А если не согласится, сказал, встану на тропу войны. Да я, говорит, боюсь. Собаки бродят дикие.

— Дайте мне справку, что я — странная женщина. А то все б... да б...

— Стакан соли на ведро корюшки. Без воды. Все перемешивается. И стоит сутки. В течение суток один-два раза помешать. Потом промыть водой. На ведро воды четыре столовые ложки уксусной эссенции. В этой воде споласкивать корюшку после первой промывки. Никакая б... на нее не сядет. Включить вентилятор и пусть он дует. Через неделю будет готова. Нарубить палочек тальниковых. Между палочками расстояние...

— И еще уркой обозвали. Ну, урка. Че, он не человек, что ли? Че, я пидар?

— Шесть месяцев в тюрьме... И я, когда пришел домой, сказал «Х... вам всем в сумку!». Чужие люди говорят — ты нам нужен. А матери я на х... не нужен.

Не мне

«Салатика нету, да?», «А у вас до какого путевка?», «Почему вы так рано уезжаете?»

Ее вопросы. Не мне.

Мне

— Мы сегодня уезжаем.

— Сегодня?

— Да, в четыре часа.

Взглянула на меня:

— Спасибо вам.

Мне? Счастье.

Не мешать

Как будто уже простились. Проводить? Не проводить? Уезжают трое — Маша, ее мама и бабушка. Со всеми знаком. Не прийти неудобно. Пришел. Стою. В стороне.

Не мешать...

Жизнь

— И ты ничего не сказал ей... Обращайтесь?

— Нет.

— И она ничего не спрашивала?

— Ничего.

— Эх, жизнь...

Нет?

Уехала. Сажу в столовой. В окно не смотрю (идет, не идет). Не вздрагиваю (неожиданно показалась на пороге). Спокойный. Нет?

Солнышко лесное

Выхожу на балкон. Прсыят:

— Скажи красивое слово. Как бы ты обратился к девушке?

— Солнышко лесное.

ЖИВАЯ РЕЧЬ

— Я твою книгу сделаю настольной.

— Моя просто о...ует, если книга придет с автографом от писателя советского.

— Ну, пойдём с нами, писатель наш.

— Мужики, я, наверное, вам ее на ночь сдам. Достала...

— Молодые девушки забыли слово «пожалуйста». Все на... твою мать.

— Ну вот, б..., на пельмени без бутылки идти. Мы ж не хамы.

А вскоре профессор К. тоже покинул курорт Анненские Воды, или «Королевство Чистых Вод», как пафосно обозначил он для себя это удаленное от центров и даже окраин цивилизации заколдованное место. Кстати, старый дракон с большими лапами был там как нельзя более уместен. Не зря ведь сказка написана, нет, не зря...

Девушку Машу он больше никогда не встретил.

Однажды, правда, зимой в автобусе мелькнуло среди грубых пролетарских лиц некое неземное видение.

Она — не она? Похожа — не похожа? Окликнуть — не окликнуть?

Профессор К. волновался и мучился минут пятнадцать.

Он так и не понял, Маша это была или не Маша, и не отважился подойти.

Не окликнул.

А потом ему стало не до романтических переживаний.

Сбылось пророчество жены, которая давно, еще осенью, после возвращения с Анненских Вод его предупреждала: «Ты соображаешь, что делаешь?»

Жена оказалась права.

Маленькая книжечка тиражом тридцать экземпляров, изданная профессором в типографии родной академии за собственный счет, произвела в добропорядочном учебном заведении локальный ядерный взрыв.

Напустила отравы на мирные поля и дубравы, да уж.

Профессора заклеили как «пропагандиста мата, ведущего подрывную деятельность среди молодежи».

И много чего еще обидного накричали в гневе: мол, вы, кандидат наук, занимаете профессорскую должность, лучше бы докторскую писали! Вы ее десять лет написать не можете!

Правильно — то же самое ему и жена говорила...

Только одна дама-юрист с кафедры, бегло пролистав его книжицу, усмехнулась и произнесла, закурив сигаретку, странную фразу. К. не понял — то ли осудила, то ли посочувствовала:

— Знаете, кого вы мне напоминаете? Загадочного персонажа из поэзии Сергея Вольфа: «Шел по улице зверек, делал лапкой поперек».

Профессор посмотрел на нее очумело:

— Какой зверек?

— Ну, откуда мне знать, — пожалла плечами дама, — какой зверек повстречался Вольфу на Невском проспекте похмельным питерским утром? Скорей всего, бассет-хаунд. Эти собачки, если вы замечали, так смешно косолапят. Попендикулярно ножки ставят. Хотя, может быть, это было инопланетное существо.

К. почувствовал себя круглым идиотом — зверьки какие-то, бассет-хаунды, инопланетяне... Он-то здесь при чем?

Из Академии тем не менее его выперли с треском.

Из города пришлось уехать тоже.

...Он живет теперь в другом городе, однако по-прежнему «делает лапкой попереки»: преподает в институте римское право, моет ноги с мылом, влюбляется в небесных созданий, мимоходом обративших на него внимание, и издает за свой счет книжки, похожие на нелепые симфонии, где в сопровождении трещоток, сопелок, пыхтелок, перделок, ложек, бутылок, стиральных досок, презервативов и прочих диковатых предметов, вдруг ставших музыкальными инструментами, контрапунктом печально ведет свою нежную мелодию одинокая классическая флейта — как на Анненских Водах.

Одна кисточка черемухи в мешочке из-под лапши чего стоила.

А жена безропотно набирает тексты на компьютере. Ибо что уже роптать?

Сюжет старинный:

«Долго ли мука сия, протопоп, будет?» — «Марковна, до самые до смерти». — «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Святая женщина.

РАССКАЗ ЧЕХОВА «ТОСКА»

Командировка на литературный фестиваль выпала в самое не фестивальное время — ровно год назад умер мой сын. Однако отвертеться от поездки не было никакой возможности. Ну, не вчера же он умер, и не завтра его хоронят...

Год прошел, как сон пустой.

Царь не женился на другой.

Царь (в данном случае — царица) просто еще не вышел из ступора и на деревянных ногах отправился в агентство Аэрофлота, деревянными руками протянул тетеньке в кассе деньги и деревянным голосом сказал: «Спасибо», когда она выдала ему искомый билет.

«Как-то мне надо будет отметить Николушкину годовщину, — думала я в самолете. — Ничего, на кладбище Ксанка съездит». (Ксанка — молодая вдова, дура полоротая, как говорила моя бабушка, — все время орет, даже на маленьких детей матом ругается, а живет со мной — ужасный ужас.) Да ладно, никуда не денется, съездит. А я... что ж теперь... Сядем же мы вечером с мужиками, они коньяка, наверное, купят, отметить приезд захотят, а я внесу диссонанс в праздничное настроение, скажу: «Давайте помянем сначала моего мальчика, ему сегодня год исполнился», и они примолкнут на минутку, и выпьют по рюмочке, а потом загадят о судьбах российской литературы. О чем же еще писателям и поэтам галдеть? Дело святое. Пусть галдят.

Нормально.

Я посижу с ними немножко, а потом пойду к себе в номер и лягу спать.

Потому что устала я безмерно.

Не только от утреннего перелета, автобусов, заселения в гостиницу, многочисленных обременительных знакомств и бессмысленных интервью на телевизионную камеру и в радиийный микрофон: «Чего вы ждете от фестиваля патриотической книги?»

Чего я жду — с ума сойти.

Творческих озарений, как же, как же.

Сказать «ничего» я не могу.

Так нельзя.

Как нельзя сказать, что я вообще не понимаю, что такое «патриотическая книга».

Это которая, что ли, учит людей, как нужно родину любить?

Смешно.

Ну, давайте научим их заодно еще и маму с папой любить, и деток, и друзей, и гнездышко свое, трепетно свиваемое на этой грешной земле...

Как-то это все глуповато выглядит на мой непросвещенный взгляд.

Однако нести чушь на камеру и в микрофон пришлось именно про родной край и творческие — куда бы деться? — озарения.

Такая жизнь опять настала — здравствуй, родимый Советский Союз, век бы глаза мои тебя не видели и уши не слышали.

Да ведь жить-то надо?

Детей маленьких кормить, и Ксанку, халду мою, в трубочку не свернешь и бродячему псу под хвост не вставишь.

Поэтому я устала, кажется, уже непоправимо, и если бы не нужно было помянуть сына, не пошла бы на посиделки вовсе, а завалилась бы спать, и спала бы, и спала, и спала до утра. До новой суеты и новой пустой болтовни.

...Мужиков же приезжих собралось шестеро. Видные все дядьки — в летах, в наградах, председатели союзов, лауреаты всего, чего можно и пр. Я одна среди них тетенька затесалась — без званий и регалий. Позвали, потому что я тоже имею отношение к литературе. Так жизнь сложилась.

И действительно, мужики, оттарабанив на камеры свое, решили собраться вечером, посидеть с коньячком, отметить начало фестивальных каникул.

Меня пригласили:

— Вы нам составите компанию? Приходите к семи часам в одиннадцатый номер, мы коньяк хороший купили.

— Приду, — кивнула я. — Только я коньяк не очень... Я себе вина взяла.

На первом этаже в том же доме, что и гостиница, был маленький продуктовый магазинчик, и там продавали — очуметь можно! — настоящие грузинские вина.

Киндзмараули, Саперави, Мукузани, Хванчкара, Алазанская долина — боже мой!

Названия-то какие милые, давно забытые, лет двадцать уже ничего подобного не только не пила, но и в продаже не видела, а тут, гляньте — целый прилавок.

Я с голодухи купила две бутылки.

А ровно в семь вечера постучалась в безликие сосновые двери с белым эмалированным номерком «11».

Есть у меня такая дурная неженская привычка — приходить точно в назначенное время.

Хоть раз бы позволила себе невинное дамское кокетство — специально опоздать минут на десять. Нет, встаю как образцовый солдат, и — ать-два в караул строевым шагом секунда в секунду. Безо всякой, что характерно, команды.

Кстати, это одна из черт, которые не роднят меня с Ксаной. Та — девушка, как сказали бы кондовисты, неторопкая. Если обещает прийти минут через сорок, значит, ждать ее придется часа четыре, может быть, и больше.

Эскимоска, ей-богу.

У них, в Эскимосии, «скоро» означает три дня, а «близко» — пятьсот километров.

Меня это злит невероятно.

...Хозяин по фамилии Орел в одиночестве сидел за столом, уставленным бутылками с пивом. Две пустые уже валялись на подоконнике.

Голова у него была квадратная, морда красная, глаза внимательные.

Он слегка приподнялся мне навстречу и махнул рукой на стул:

— Садитесь. Пиво будете?

— Нет, у меня вино, — я поставила на стол свое «Киндзмараули», положила пакет с мандаринками. — А никого больше нет? Я, как всегда, первая явилась — не запыхалась?

— Да ну их... — поморщился Орел. — Будут сейчас сто лет тащиться. Хуже баб. Давайте выпьем.

Он ловко открыл мою бутылку, а себе плеснул пива в высокий стакан.

— За знакомство?

— Конечно, — кивнула я. — За знакомство.

Выпили.

Помолчали.

— Вы — прозаик? — никакого другого вопроса, чтоб завязать разговор, в тот момент мне в голову не пришло.

Орел посмотрел на меня тяжелым взглядом:

— Нет, про белок.

— А-а-а... — сказала я. — Извините.

С юмором мужчина. Все понятно.

А вообще-то, так тебе, Даша, и надо. Не задавай глупых вопросов. Если тебе и впрямь интересно, кто он, могла бы посмотреть заранее программку фестиваля — там про каждого написано — ху из ху. Но ты же всегда думаешь только о себе, до других людей тебе дела нет, вот и получи «про белок».

— Давайте выпьем! — Орел потянулся за моей бутылкой.

Поухаживать за дамой — это так называется.

— Давайте.

Я взяла стакан и робко вякнула:

— А знаете, у меня сегодня — плохой день. Ровно год назад сын умер. Совсем молодой...

— Сочувствую, — буркнул Орел.

Разговор на этом иссяк.

Но вскоре в номер ввалилась шумная компания с коньяком.

Четыре человека (один отказался, сказал, что нездоров, устал с дороги и вообще спать хочет) водрузили на стол литровую бутылку чего-то очень дорогого и французского, а также разные мясные и рыбные деликатесы — не поскупились пожилые мальчики.

— Та-а-ак, — сказал генеральским басом высокий плечистый автор исторических романов. — Где у тебя, Орел, здесь руки моют?

— Сначала я, — попытался оттеснить его в сторону мужичок пожиже комплекцией, но тоже с хорошо поставленным командирским голосом.

— Конечно, ты — мой друг милейший, но туалет займет сильнейший, — про-рокотал плечистый и скрылся за дверью.

Я подумала: «О! Еще один мужчина с юмором!», а маленький злобно зыркнул вслед высокому.

Оба они, как вскоре выяснилось, были полковниками в отставке.

Высокий мне, в принципе, понравился, и лет десять назад я бы, наверное, не медленно закрутила с ним роман. Так всегда получалось — для жизни я выбирала себе парней задумчивых и молчаливых, а для приключений — буйных жизнелюбивых Портосов. От них я заряжалась энергией, которую тоннами тянули из меня тихие мужья-вампиры.

Но какие, помилуй Боже, могут быть теперь приключения и романы, мне бы хоть с кем-то поговорить о моем бедном мальчике, помянуть его, дурачка несчастного...

Меж тем, вставить печальное слово о поминовении сынка моего Николушки не было никакой возможности.

Мужики наперебой драли глотки, спорили о судьбах России и российской, разумеется, литературы. Конечно, куды ж без них матушка-Россия, тем более — ее многострадальная литература.

— Надо покурить, — очнулся наконец от страстного монолога автор исторических романов.

Про себя я стала называть его «мон колонель» (не «настоящий полковник», каким он был в действительности, — во-первых, не люблю Аллу Пугачеву с ее неистребимой даже с возрастом и многими миллионами долларов вульгарностью, во-вторых, было в этом человеке что-то ярко-галльское — живость, легкость, густой голос, профиль уроженца Лютетии и отношение к собеседникам и предмету спора слегка не всерьез. «Я дерусь, потому что дерусь». Я спорю, потому что спорю. Мне это нравится).

— На улицу придется идти... — вздохнула я.

На двери висел устрашающий плакат: «За курение в номере штраф 2000 рублей», а на потолке были натяканы разные дымоуловительные штуковины.

— Да вы что? — хмыкнул мон колонель. — Какая улица? Пойдемте в ванную. Включим воду и вентилятор. Я знаю, как это делается. Ни одна собака не учует.

И мы с ним уединились в ванной комнате. Закурили.

Помолчали.

— Как вам наша компания? — спросил полковник.

— Ничего, — сказала я. — Вполне сумасшедшие мужики.

— Ха-ха-ха, — хохотнул мон колонель. — Но ведь в целом — хорошие?

— Хорошие, — согласилась я.

И поскольку меня все-таки распирало, добавила:

— А у меня сегодня плохой день. Ровно год исполнился со дня смерти сына. Он еще совсем молодой был...

— Сочувствую, — полковник взял меня за руку и заглянул в глаза. Он оказался чуточку теплее Орла. — А что с ним случилось?

— Мгновенный спазм сосудов. Не знаю... Никогда человек ни на сердце, ни на давление не жаловался. Двое маленьких детей у него осталось...

— Сочувствую, — повторил мон колонель, но тут сигареты наши докурились, и мы вернулись в комнату.

А там по-прежнему стоял гвалт и кто-то митинговал: «Власти губят литературу!»

Кто-то возражал: «Литературу погубить невозможно!»

«Да пошли вы все в баню в обнимку с Россией, ее омерзительными властями и погубленной литературой!» — подумала я и откланялась:

— Извините, господа, — сказала, — но я вас покидаю. Очень устала. Завтра — тяжелый день. Нужно выспаться.

Мне поцеловали ручку, наговорили комплиментов — мол, как приятно было познакомиться (а уж мне-то как — молчу!) — и пожелали спокойной ночи.

«Это — Чехов, — думала я по дороге в свой номер. — Рассказ «Тоска». Современная интерпретация».

Я ощущала себя извозчиком Ионой, белым привидением, с ног до головы засыпанным снегом, который пытается рассказать случайным пассажирам, что его молодой сын Кузьма «зря помер».

А никто не слушает.

Такая жизнь.

Ничего за сто лет не изменилось — чужое горе никого не волнует по-прежнему.

Но Иона Потапов в итоге оказался счастливее меня — он хотя бы кобыле своей (все же божья тварь и живая душа) поплакался:

«— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?»

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина... Иона увлекается и рассказывает ей все...»

И, наверное, ему становится легче.

А я пришла в свой временный дом, открыла вторую бутылку вина и включила телевизор. Канала Galaxu, который я смотрю обычно по ночам, когда не спится, в гостиничных программах не обнаружилось.

Астрономию я люблю с детства.

Новые, сверхновые, темная материя, есть ли жизнь на Марсе?..

Это очень далеко от реальности и потому успокаивает.

Выбрала за неимением привычного канал «Культура».

Там что-то вещал министр Мединский.

Щечки надувал, очки поправлял...

«Министр перед телекамерой старательно изображал из себя человека».

Да уж.

У меня на каждый случай жизни найдется цитата или литературная ассоциация. В данном случае вспомнилась одна хорошая, не слишком известная, фантастическая повесть.

Я открыла вторую бутылку «Киндзмараули», налила стакан Николаю, накрыла пряником печатным, вынула из сумки маленькую картонную иконку Матроны Московской — я ей не молюсь, но зачем-то уже много лет повсюду таскаю с собой, прислонила к стакану.

Перекрестилась.

В чайную чашку плеснула вина себе.

— Ну что, — сказала, — за тебя, Никулушка-Скворушка? Чтоб тебе на том свете жилось лучше, чем на этом, и чтоб душа твоя была спокойна... Прости меня, прости всех, зла не помни, о детях не беспокойся. О Ксане тоже. У нас все хорошо.

Надо же, откуда-то всплыло в памяти детское, совсем раннее прозвище мальчика.

Он, когда еще лежал в колыбельке и не умел разговаривать, все время издавал какие-то странные мелодичные звуки — как будто пел.

— Ну, заскворчал наш Скворушка, — говорили мы. — Теперь час не угомонится. Оперным певцом, однако, будет.

Николка мне, конечно, ничего не ответил, да и Матрона промолчала, зато министр всплеснул холеной рукой и что-то такое опять залепил про культуру — вроде как он очень сильно по ее поводу переживает и волнуется.

— А ты, дурак, вообще молчи, — я снова наполнила вином свою чашку. — При чем здесь твоя культура? У меня сын год назад умер, понимаешь? Такой прекрасный мальчик был — самый умный, самый любимый, самый красивый, самый счастливый... Почему он стал самым несчастным, почему все так худо сложилось в его и моей жизни, ты знаешь?

— Ду-ду-ду... — ответил министр.

— Тьфу, идиот, — плюнула я, залпом опустошила свою чашку и налила вина в третий раз.

— Миленский Николушка! — у меня в носу как будто кран сломался, и сопли заструились высокогорным незамерзающим ручьем. Я сходила в ванную, притащила рулон туалетной бумаги и раз пять высморкалась.

Потом продолжила свой монолог перед говорящей головой министра Мединского и молчаливой Матроной Московской.

— Ты меня прости. Это я во всем виновата. Родители всегда виноваты. Напихали, значит, суки, из лучших побуждений в младенческую душу разных комплексов. Ты, солнышко, меня любил и хотел соответствовать маминым ожиданиям. Не получилось...

— Бу-бу-бу! — возвысил вдруг голос министр.

О чем-то его, наверное, спросили злободневном.

— Да заткнись ты уже, скотина! — рассердилась я и выключила телевизор.

Потом пожалела министра — он-то, бедняга, в чем тут виноват? За что я выплеснула на него, живого, как бы то ни было (наплевать на фантастические повести), человека, столько негатива?

— Ладно, — сказала я. — Прости, Мединский. Я не со зла. Ты мне ничего плохого не сделал. Просто под руку подвернулся.

Потом залезла под одеяло, скрючилась замороженной креветкой и так горько заплакала, как не плакала ни разу после Николкиного отпевания. Потом уснула.

А утром встала — относительно бодрa, на первый непредвзятый взгляд, свежа, поехала, куда повезли, и отбарабанила то, что люди ожидали услышать — про родной край, талантливых дальневосточных авторов и творческие озарения.

«Подлец человек», — говорили русские классики девятнадцатого века.

И были правы.

ГЕНДЕЛЬ. СОНАТА МА МИЖОР

Весь день падал снег, первый в году, валил лохматыми хлопьями, но тоска, которая обычно приходит ко мне со снегопадом, нынче, к удивлению, не явилась. И я догадываюсь почему.

У Той, которая где-то очень далеко, в параллельном мире, пишет свой роман, было хорошее настроение, хоть она тоже не любит снега.

Я не знаю, где находится параллельный мир и как он выглядит, но точно знаю, что Она, сочинительница, есть, что я у нее — любимая героиня, и что сегодня, когда она села писать очередную историю, ее кто-то насмешил, и она тут же решила порадовать меня.

Вообще-то, ее доброй не назовешь.

Иногда она загоняет меня в угол, и я затравленно верещу оттуда: «Ты с ума сошла? Что ты делаешь? Отпусти ради Христа!»

А она отвечает, что писательство — жестокая профессия, и иначе у нее никак не получается.

Ей просто необходимы кризисные ситуации. Когда выбор стоит сурово: ты за кого, условно говоря, за белых или за красных? И как поступишь на краю если не смерти, то жизненного краха? Чьи интересы предпочтешь — свои или чужие?

Иначе выходи вялое бла-бла-бла, словесные узоры, дамское рукоделие, а ей это неинтересно.

Ты потерпи немножко, говорит она, я тебя вытащу, и иногда даже пробалтывается, что будет потом. Ведь лучше нее этого никто не знает.

Мои герои тоже, бывает, меня беспокоят.

Один, помню, долго кричал по телефону:

— Ты зачем меня уколошила? Да еще в первой главе? Требую немедленной реанимации! Герой я, в конце концов, или не герой?

— Пойми, — отвечала я смущенно, — ты — идеальный герой, а идеальных героев в жизни не бывает, поэтому пришлось тебя сразу же убрать. Ты, как камертон, только задал высокую ноту, и на этом твоя роль в моей повести закончилась.

— Ну, ничего себе, — возмутился он. — Нужны мне твои идеалы! Сделай меня лучше подлецом, но воскреси!

— Вот прям-таки настоящим подлецом? — усомнилась я.

Он немного смешался:

— Нет, конечно. Да и не потяну я на хорошего подлеца, ты же знаешь. Но обычный человек получится. Средний такой, чтоб до девяноста лет мог дожить. Так воскресишь?

— Попробую, — пообещала я и в самом деле воскресила.

Он стал жить в другой повести, с другим именем, другим лицом, в другом времени, но не думаю, чтобы очень счастливо — что-то в нем все равно сохранилось от прежнего, идеального.

Так мне открылся смысл идеи переселения душ, и я поняла, почему мужчины в прежней жизни могли быть женщинами и наоборот.

Я даже про себя теперь все знаю: в прошлой жизни я была у Нее бездарным поэтом, но, в общем, не совсем уж безмозглым, поэтому пила от тоски водку, искала смысл жизни и небесную гармонию, себя изводила, других мучила, и она не знала, что со мной делать. В итоге ничего лучшего не придумала, как напустить на меня ночью трех бандитов, когда я в поэтическом томлении духа брела домой и сочиняла что-то про звезды, про то, как их мало, и если сгорит хоть одна, обрушится свод на землю...

Я ей сказала тогда на прощание, что Она — полная дура, и если я по ее прихоти была бездарным поэтом, то такую бездарную писательницу, как она, еще поискать нужно. На что она велела мне немедленно успокоиться на городском кладбище и замолчать навеки. Ибо, во-первых, это не мое дело, а, во-вторых, если я не слышу скрытой иронии финала и не вижу его многоплановости, то туда мне и дорога.

От прошлой жизни мне остались неожиданно всплывающие в голове бессмысленные поэтические строчки и смутные воспоминания о минувшей маяте.

Впрочем, маяты и сейчас довольно, но во втором рождении я получилась крепче и удачливей.

Она теперь заставляет меня откалывать номера, на которые у самой пороку не хватает. Она, моя писательница, редкостная мямля: людей боится, путешествий и перемен в судьбе не любит, все больше на диване с книжечкой валяется да плетет по ночам свое кружево про меня и моих друзей и очень тоскует в снежную погоду. Наверное, что-то плохое было связано в ее жизни со снегом. И в моей жизни поэто-

му самые большие гадости припорошены снежком, а главное, я догадываюсь, что нынче она приготовила мне тоже не слишком веселый финал — в одном из безумных январей уже выдолбила яму в мерзлой земле и в качестве последней декорации припасла снег. Он непременно будет идти в день моих похорон — лохматый и тяжелый.

Однако сегодня ее неожиданно развеселили, и она, в свою очередь, расщедрилась на смешную сценку для меня.

В десять утра раздался звонок, и я, недоумевающая, какого лешего могло принести в эту пору рань (у каждого ведь свои представления о «рани»), заспанная, в халате, с недовольным лицом поплелась открывать дверь.

На пороге стоял незнакомый молодой человек вида подержанного и живописного: в грязных джинсах, замурзанной детской шапочке с трогательным помпончиком и едва ли не в сандалиях на босу ногу.

— Здравствуйте, — сказал он голосом неожиданно приятным и очень вежливым. — Простите за беспокойство. У меня к вам будет большая просьба.

— Я вас внимательно слушаю, — любезно склонила я нечесаную башку набок.

— Понимаете, мы тут с ребятами недалеко в подвале сидим, а закусить нечем. Не могли бы вы вынести нам sandwich?

Он именно так произнес это слово, на хорошем английском.

— Что вынести? — оторопела я.

— Ну, кусочек хлеба и что-нибудь сверху, — улыбнулся оборванец.

— Ах, сэндвич! — обрадовалась я неизвестно чему, понеслась на кухню, отрезала колбасы, сала, протянула гостю и даже извинилась, что колбасы маловато. Ибо попрошайка был изыскан.

— Огромное вам спасибо, mistress, — молодой человек склонился в поклоне, и я почувствовала себя владелицей родового замка в Англии времен королевы Виктории, не меньше.

— Не стоит благодарности, сэр, — величественно молвила я в ответ, и еще час после его ухода хохотала, никак не могла успокоиться.

Давно заметила: если жизнь временами становится похожа на тюк грязной ваты, из которой никак не удается выбраться, если за полгода не выпадает ни одной, пусть самой ничтожной, удачи и ни единой радости, если автобусы уходят из-под носа и бутерброды каждое утро падают маслом вниз, то нужно найти в себе силы не отчаиваться, а главное — не суетиться. Любое действие только усугубит невезение.

Надо замереть на месте, тихо взмолиться — помилуй, мя, Господи — и ждать, когда в тучах появится узкое окошечко и скудный солнечный луч пробьется в эту безобразную жизнь.

Конечно, божьего вестника нужно узнать и не спугнуть по недомыслию.

Может быть, им окажется рыжий кот, который попросится к вам жить. Или — англазированный бич ненавязчиво изложит просьбу о сэндвиче. Не погнушайтесь и не поскупились. Приютите кота, вынесите колбасы незнакомцу. И тогда брызнет настоящий свет, и милым покажется снегопад за окном, и придет жгучее желание отправить письмо, написанное три дня назад и, стало быть, три дня томившее необходимостью выбора — отправлять, не отправлять?..

Так или иначе, но впервые за много лет я обрадовалась зиме, метели, застрявшим в сугробах автобусам и скользким тротуарам.

Идти пришлось пешком и очень медленно, прогулка моя до главпочтамта с заходом в парикмахерскую длилась часа два или даже три, поэтому городские пейзажи разворачивались не спеша и воспринимались осмысленно.

К примеру, я заметила, что в прудах на бульваре, если посмотреть на них немножко сверху, с улицы Пушкина, есть что-то от старых голландских мастеров —

Рейсдаля или Вермеера. Дом красного кирпича с остроконечной крышей, горбатый мостик, хрупкая сетка голых тополиных веток вокруг застывшей воды, дети в ярких курточках с коньками и санками, сороки — черные с белым на белом, и все это в снегопаде — картина неторопливому путнику открывается на редкость утешительная.

К Новому году здесь, разумеется, поставят елку, соорудят изо льда исполинских размеров Деда Мороза и Снегурочку; будет надрываться репродуктор, будут материться пьяные, и горка покроется пятнами замерзшей крови, но все это случится, к счастью, только через два месяца, а пока что просто идет снег, и уголок старой Голландии, неожиданно открывшийся мне, первозданен, наивен и чист.

И как же порадовалась я за свое письмо — ему предстоял долгий путь в жаркую страну, и кроме моих путаных слов и трехдневных тревожных колебаний оно принесет теперь адресату зыбкое ощущение снега, его запах и тишину — ясную душу первоначальной зимы.

Говорят, в старину холсты, отбеленные в снегах, годами потом хранили их прохладу.

Тут, у прудов, я догадалась: день, начавшийся с абсурда, за которым вдруг последовала пейзажная лирика, вряд ли закончится тупым сидением у телевизора, он должен подбросить еще несколько сюжетов, стиль и жанр которых предсказать трудно, но общая добрая — мажорная — тональность уже уловима.

Вечером я снова вышла на улицу: подруга купила билеты на концерт в филармонию.

Буран унялся.

Снежная пыль еще плясала и золотилась в свете небогатых наших уличных фонарей, но дороги уже успели посыпать песком, и автобусы тяжело переползали с горки на горку.

... На заднем сидении, у окошка, сидел пьяненький мужичок лет сорока пяти, на коленях он держал пакет с пельменями, и, поколебавшись немного, я заняла место рядом с ним, тем более других свободных мест в автобусе не имелось, мужичок же был не пьяный, а именно пьяненький. Добродушный.

Видно, славно посидел где-то в теплой компании, может даже песню спел, и вот расслабился человек, размяк, и мир наш грешный сразу полюбил, да еще и удача ему сегодня выпала — небось, денежку на работе дали, сразу два килограмма пельменей купил. Не шутка!

Мужичок долго и со вниманием разглядывал мой ничем не примечательный профиль, а потом сказал растроганно:

— Ты такая красивая! Поехали ко мне, а?

«Шукшин! — радостно узнала я почерк. — “Чередниченко и цирк”».

Не зря, выходит, ждала, что этот день подкинет еще что-нибудь занятное, и ответила в тон, совершенно, впрочем, незлобиво:

— Вот сейчас! Мне кроме как к тебе и поехать некуда.

— А я тебя пельменями угощу, — ласково посулил мужичок.

— Что ж ты такой простой? — укорила я. — Женщину пельменями соблазняешь?

Мужичок пригорюнился и тяжело вздохнул:

— А чем я в наше время могу соблазнить? Ну, хочешь, водочки еще налью?

И ведь видно было, что говорит человек от чистого сердца, но ему так и полагалось по сценарию — говорить от чистого сердца, мне же полагалось куражиться.

— Фу, как неинтересно, — разрезвилась я, вошла в роль. — Ты бы для начала пообещал, что ли, корзину роз купить.

— Роз?... — недоумение и разочарование отразились на лице моего спутника. — Ты, наверное, учительница?

Ах, бесхитростный мой кавалер и предположить, очевидно, не мог, что я — писательница, а это гораздо хуже учительницы, что литература куда ближе к жизни, чем мы думаем, и что он сам с дурацкими своими пельменями, скорее всего, не живой человек, а персонаж из ненаписанного рассказа Василия Макаровича, а может, и написанного где-то в параллельной вселенной («Чередниченко и цирк» все же о другом), и я в той вселенной давно написана, и утрешний мой знакомец-бич, и все люди на земле — персонажи. Кто из эпопеи, кто из мелодрамы, кто — из скучнейшей повести, а кто, увы, из романа ужасов.

— Какая погода сегодня мерзкая, — поморщилась подруга, стяхивая в фойе снег с шапки. — Весь день вспоминала, как ты говоришь: «Зима началась, жизнь кончилась».

— А я, как ни странно, хотела сказать: какая дивная погода! Я, представь себе, сегодня ни с того ни с сего потащилась гулять, и два часа гуляла с большим удовольствием.

— Как? — удивилась подруга. — Одна гуляла?

— Нет, почему же, — брякнула я невпопад, как это умеют только женщины. — Я маникюр ходила делать.

— А потом с маникюром гуляла! — захохотала подруга. — Ясно — не одна.

— Ты забыла еще про большое удовольствие, — напомнила я.

— Да, — согласилась она. — Компания неплохая.

«Неплохая», — хмыкнула я про себя.

Компания собралась редкая, я бы даже сказала — исключительная, и душой ее, конечно, было письмо, написанное без повода и, наверное, зря, но подруга о том не ведала. Да и зачем?

Это отдельная история, совсем невеселая, и сочинила ее Она, моя несурзная писательница, сочинила не для публикации, а для себя, чтобы снять тяжесть с сердца.

...Народу в зале по случаю ненастной погоды собралось преступно мало, а скрипач, между тем, приехал удивительный, не такой знаменитый, как Ойстрах или Грач, но из лучших в стране. Я его слушала четыре раза в разных городах, и это было хорошо.

Вообще-то, публика, посещающая нашу филармонию, достойна хотя бы беглого описания. Молодые лица меняются, я их не успеваю запомнить, но завсегдагаи примечательны. И пока музыкант не вышел на сцену, можно в добрых традициях уездного бомонда грациозно посплетничать о присутствующих.

Вот, скажем, мужчина средних лет, невысокого росточку, но с невероятным достоинством во взгляде и посадке головы, а как отмыт и отглажен, а какая бородка клинышком! Его неизменно сопровождает интеллигентная старушка-мама. По мужчине незаметно, что с тех пор, как я их впервые здесь встретила, прошло пятнадцать или даже больше — двадцать лет. А мама сдала...

Еще одно знакомое лицо — полная дама в очках, с распущенными блестящими темными волосами, с чистым выпуклым лбом средневековых мадонн. Тоже почти не постарела, но поменяла мужа или, бог ее знает, любовника — лет пять назад ее сопровождал другой мужчина.

А вот довольно грустное зрелище: эту подурневшую и отяжелевшую женщину я помню совсем юной, хрупкой и сусальной, как рождественская елка. Множество блестящих украшений и задумчивый — заплаканный — зеленый взгляд оставляли впечатление пусть мишурного, мимолетного, но очарования. Сейчас она тоже напоминает ель, только другую — ту, могучую и дурно наряженную, с городских прудов.

Есть еще старичок с палочкой, есть сухая, как ручка от веника, учительница музыки — всего человек пятнадцать.

Справедливости ради стоит сказать, что они, глядя на нас с подругой, тоже, наверное, думают сокрушенно: да, летит время, давно ли эти две вертлявые дамочки прибегали сюда еще в коричневых школьных платьицах?..

А ведь и этот роман — про город привычных лиц — уже написан.

Правда, там нет таких уморительных примет. Наша жизнь вообще смешнее.

В Кельне, я полагаю, понятия не имеют, что такое, допустим, «сталинский амфир».

Эту наивную пышность зеркал и колонн, и ступеньки из мрамора, и стилизованные под девятнадцатый век кованые фонари, зачем-то замазанные кладбищенской серебряной краской, могут любить только неприхотливые дети глубокой российской провинции. Любому просвещенному жителю Кельна они бы показались просто отвратительными. Равно как и трогательная безвкусица медальонов на стенах с упитанными балеринами, навеки застывшими в большом батмане.

А томные девы с арфами, а какие-то, бог их суди, то ли пионеры с горнами, то ли трубачи с трубами, а пыльный, протертый до белизны за полвека красный плюш кресел, а ведьмин холод в зале, а бойкий юноша-конферансье, что выскочил на сцену фертом, отчеканил имя музыканта, а потом звонко опростоволосился:

— Гендель! Соната ма мижор!

Все обмерли.

Икнула потрясенно сухопарая учительница, секунду спустя вышел расстроенный (все одно к одному!) профессор консерватории, сердито отстранил рукой юношу и, глядя в бессовестно пустой зал, сказал негромко и сухо:

— Здравствуйте. Мне, вероятно, следовало бы отменить сегодняшний концерт. Но я сыграю. Для вас. В знак благодарности за то, что вы пришли.

И он сыграл.

И было странно, что скрипач такого уровня не знаменит, как Ойстрах.

Наверное, тот, кто писал его судьбу, не любил своего героя.

И сжалось сердце: господи, за что?

Лететь через всю страну, чтобы выступить перед пятнадцатью городскими сумасшедшими?..

Но я подглядывала украдкой в коротких паузах: у мужчины с бородкой и у его интеллигентной мамы, у старичка с палочкой, у дамы, похожей на елку, и у другой дамы, с новым любовником, так очеловечились и посветлели лица, что, наверное, сам Гендель простил наш пошлый, занесенный снегом, краесветный город.

И я подумала еще раз, что письмо, которое сейчас, вероятно, летит уже в самолете с почтовым грузом, кроме невразумительного моего бормотания должно донести туда, куда нужно, настроение и атмосферу этого странного дня, где смешались в снегопаде поэзия и проза, комедия и трагедия, ибо великий музыкант, игравший перед пустым залом, был по-настоящему трагичен.

А если там, далеко, все же не уловят этой атмосферы, которая куда важнее мизерного содержания, то есть ведь и третья вселенная, где живут люди, написанные нами, и уж там-то, я почти уверена, все поймут как надо.

